

БЕЛЫЙ НАЛЁТ

КРИС ВЕЙЛ

18+

Крис Вейл

Белый налёт

<https://litres.ru/74626878>

SelfPub; 2026

Аннотация

Детектив Джек Мор возвращается в город, где три года назад погибла его жена. Официально — самоубийство.

Он курит одну за другой, пьёт таблетки от депрессии и ведёт своё расследование. Галлюцинации, провалы в памяти, странный запах — всё это побочные эффекты от таблеток.

Но чем глубже он копает, тем труднее отличить правду от собственного безумия. Пепельница и белый налёт припорошившего снега обволакивают страницы книги.

Крис Вейл

Белый налёт

Глава 1

Глава 1. Приезд

Ноябрь, четвёртое число. Четыре сорок вечера, а уже сумерки. Небо низкое, серое, без единого просвета — как мокрое одеяло, брошенное на город. Я въезжаю в Картрайт по мосту через Гарроу. Река быстрая, тёмная, не замёрзла — течение сильное, пар от воды поднимается клубами, смешивается с выхлопом моей машины. Внизу, у берега, чёрные льдины, тонкие, как осколки стекла. Вода пахнет холодом и ржавчиной. Я опускаю стекло на палец, чтобы вдохнуть, и тут же поднимаю — ветер ледяной, режет лицо.

Печка в «Каприс» работает через раз. Я держу руку на решётке, чтобы чувствовать хоть что-то. Пальцы мёрзнут. Я курю третью за час — «Кэмел» без фильтра. Окно приоткрыто на два пальца, дым вытягивает, но холод лезет в салон, оседает на приборной панели изморозью. Радио шипит. Диктор что-то говорит про ядерные переговоры в Женеве, я не слушаю. Слова растворяются в помехах, остаётся только треск и редкие обрывки: «...сокращение вооружений...», «...не исключено...». Я выключаю. Тишина становится плот-

нее. Только двигатель, ветер и моё дыхание.

Город начинается сразу за мостом. Сойер-стрит — неон, витрины, люди с пакетами. Аптека, зелёный крест мигает. Кинотеатр, афиша выцвела, название не разобрать — какая-то мелодрама, мужчина и женщина под дождём. Ломбард, в окне — гитары, обручальные кольца, старый телевизор с деревянным корпусом. Закусочная «У Мэйбл», пар от вытяжки, в стекле отражается неон. Бар «Слепая сова», вывеска — сова с заклеенным глазом, жёлтый свет из-под двери, музыка, приглушённая, бас. Я проезжаю мимо, ищу отель. Свет фар выхватывает тротуар, соль, чёрные лужи, мокрый снег, который ложится на асфальт и тут же тает. Дворники скребут по стеклу, резина скрипит. Люди идут быстро, головы втянуты в плечи, воротники подняты.

Отель «Блю Мун» — между ломбардом и кинотеатром. Два этажа, вывеска мигает, буква «М» не горит — «БЛЮ УН». Сосна на логотипе треснула — краска облупилась по стволу, обнажила ржавое железо. Парковка полупустая. Три машины: пикап с деревянными бортами, седан с помятым крылом, «Форд» с наклейкой на бампере — «Если ты не охотник, ты — дичь». Я паркуюсь у стены, глушу двигатель. Тишина. Только ветер с реки и где-то далеко — поезд, глухой, протяжный гудок.

Я сижу минуту, не выхожу. Смотрю на противоположный берег. За рекой, на северной окраине, за старым парком — клиника. «Блэквуд». Три корпуса, красный кирпич, окна с

решётками. Окна светятся. Тепло. Я представляю, как там внутри. Хлорка. Жжёный сахар.

Я не знаю, откуда это. Я никогда здесь не был.

Достаю диктофон. «Сони», кассетный, серый, потёртый по углам, с наклейкой «Т-120». Я купил его в восемьдесят втором, когда Финч сказал: «Пишите, Джек. Руки трясутся — не пишите, говорите. Голос — тоже память». Я тогда усмехнулся. Теперь у меня двенадцать кассет. Эта — тринадцатая. Я кладу её на колени, нажимаю красную кнопку. Кассета шуршит, потом щёлкает — плёнка пошла.

— Рут, это я. — Голос хриплый, я откашливаюсь. — Ноябрь, четвёртое. Картрайт, Мэн. Я на месте. Отель «Блю Мун». Номер четырнадцать.

Пауза. Кассета крутится, шуршит, считает метры.

— Если ты это слушаешь, значит, я не вернулся. Или вернулся, но не всё. Я не знаю.

Я смотрю на клинику через реку. Стекло запотело, я стираю ладонью.

— Я вижу «Блэквуд» из окна машины. Красный кирпич. Окна светятся. Я думал, будет иначе. Я думал, я не узнаю. Узнал.

Ещё пауза. Ветер бьёт в бок машины, качает.

— Комната двести двенадцать. Эвелин написала это на фотографии. Я не знаю, что там. Я не знаю, почему я помню запах. Хлорка и жжёный сахар. Я чувствую его с моста.

Я выключаю. Кассета щёлкает. Тишина. Печка гудит, но

не greет.

Рут — моя секретарша. Была. Пятнадцать лет. Рыжая, с родинкой над губой, вечно в шерстяном кардигане, даже летом. Она ушла, когда меня отстранили. Не потому что не верила. Потому что боялась. Я не виню её. Я записываю эти кассеты, зная, что она их не слушает. Они лежат в коробке в её столе. Или в моём шкафу в Бостоне. Я не знаю, куда она их кладёт. Она ни разу не сказала.

Но я всё равно записываю. Потому что говорить вслух — это не то же самое, что думать. Думать можно что угодно. Говорить — нельзя.

В холле тепло, но от ковра пахнет сыростью — старая шерсть, пыль, что-то кислое. Люстра под потолком — жёлтая, в форме блюда, три лампочки из пяти перегорели. На стойке — колокольчик для вызова, медный, потускневший. За стойкой — парень. Лет девятнадцать. Волосы светлые, зачёсанные назад, улыбка шире, чем нужно. На нём рубашка с коротким рукавом, хотя в холле холодно.

— Мистер Мор? — говорит он. — Мы вас ждали.

— Кто ждал?

— Я. Бен. — Он протягивает ключ на брелке. — Четырнадцатый. Второй этаж, окна во двор.

Я беру ключ. Брелок пластиковый, сосна, как на вывеске. Треснула. На ключе — номер, нацарапанный, или выбитый. Четырнадцать.

— У нас автомат с сигаретами внизу, — говорит Бен. —

Если что.

— Спасибо.

— И кофе. Но кофе плохой. — Он улыбается. — Вы долго?

— Не знаю.

— Все так говорят.

Я поднимаюсь по лестнице. Ковёр на ступенях протёрт до основы — серо-бурый, с узором, который стёрся до неразборчивых пятен. Перила скрипят под ладонью. Радиатор на площадке шипит, но не греет — только влажное тепло, как изо рта. Стены оклеены обоями в мелкий цветок, местами отходят, под ними — тёмные пятна.

Номер четырнадцать. Кровать, комод, зеркало над комодом, стол у окна, стул. Радиатор под окном. Я трогаю — горячий. Но окно продувает, из щелей тянет, занавеска колыхается, хотя окно закрыто. На комоде — Библия, «Жёлтые страницы» за 1983 год, пепельница. На стене — картина: сосна, река, олень пьёт воду. Краска потрескалась. Пахнет пылью, старым деревом, чем-то сладковатым — может, дезодорантом, может, чем-то ещё.

Из окна видно двор — мусорные баки, чья-то машина без колёс, куст, весь в снегу. А за двором — река. И клиника на том берегу. Красный кирпич. Окна светятся. Я стою и смотрю. Долго. Пока не понимаю, что стою и смотрю уже пять минут.

Я спускаюсь в холл. Автомат с сигаретами — у лестни-

цы, красный, с хромированной ручкой. «Кэмел», «Уинстон», «Лаки Страйк». Я опускаю монеты — три четверти, они звенят, падают в щель. Кручу ручку. Пачка падает с глухим стуком в лоток. Я вскрываю её прямо там, у автомата. Фольга внутри блестит. Закуриваю. Привкус сладкий. Дешёвый табак. Списываю на это.

Вечер. Я сижу на кровати, в свитере, под двумя одеялами. Одеяла тонкие, колючие, пахнут стиркой и чем-то ещё. Пепельница на тумбочке — пластиковая, с логотипом отеля, «БЛЮ УН». Три окурка. Таблетка — маленькая, белая, горькая — лежит на языке, разъедает слюну. Я запиваю водой из-под крана. Вода пахнет железом и хлоркой. Стакан — стеклянный, с трещиной у основания, обернут бумажкой «Простерилизовано».

Врач предупреждал: сухость во рту, дрожь, иногда лица в стенах. «Это нормально, Джек. Это пройдёт».

Три года. Не проходит.

Я смотрю в зеркало над комодом. Зеркало старое, в деревянной раме, с пятнами амальгамы — как облака. В отражении — Эвелин. В том платье, в котором я её похоронил. Синее, с белым воротником, шерстяное, она его купила в Бостоне в семьдесят девятом. Она стоит за моей спиной. Я не оборачиваюсь. Я знаю, что её там нет.

— Ты обещал, Джек, — говорит она.

Голос тихий, как из другой комнаты. Я обещал. Много раз. Бросить. Начать сначала. Не пить. Не копать. Я не сдер-

жал ни одного.

Я закрываю глаза. Считаю до десяти. Открываю. Зеркало пустое. Только я. Сорок два года. Складка между бровями. Седины больше, чем год назад. Глаза красные.

Беру диктофон. Кладу на колени. Нажимаю. Плёнка шуршит.

— Рут. Продолжение. — Я смотрю на зеркало. — Она снова была. В зеркале. Синее платье. Сказала, что я обещал. Я не помню, что именно. Я помню много обещаний. Не помню, какое из них.

Пауза. Я смотрю на пепельницу.

— Я принял таблетку. Как всегда. Сухость. Дрожь. Лица в стенах. Финч говорит, это нормально. Три года — нормально.

Я замолкаю. Смотрю на фотографию на тумбочке. Лицом вниз.

— Я нашёл фотографию. Неделю назад. В коробке, которую не открывал три года. Эвелин у клиники. Восемьдесят первый. Пальто, шарф. На обороте — её почерк. Синяя ручка. «Комната двести двенадцать. То, что ты делаешь не думая».

Я беру фотографию. Верчу в руках. Угол загнут. Бумага пожелтела по краям.

— Я не помню, когда она это написала. Я не помню, что это значит. Я не помню, чтобы был в «Блэквуде». Но я помню запах. Хлорка и жжённый сахар. Я чувствую его с моста.

Выключаю. Кассета щёлкает. Пепельница переполнена — окурки лежат горкой, пепел осыпается на тумбочку.

Я курю ещё одну. Дым поднимается к потолку, стелется, слоями, как вода в заводи. Сладкий привкус. Я думаю: надо купить другие сигареты. Эти какие-то странные.

Потом забываю.

Окно покрывается изморозью — изнутри, от дыхания и тепла. Я рисую пальцем линию — сверху вниз. Она похожа на реку. Или на вену. Я не должен об этом думать.

За стеной кто-то ходит. Шаги медленные, тяжёлые. Потом тишина. Потом снова. Я слушаю. Шаги останавливаются у моей двери. Я жду стука. Стука нет.

Я лежу, не дыша. Считаю. До ста. Шаги уходят.

Я тянусь к тумбочке. Беру диктофон. Нажимаю. Голос шёпотом, чтобы не разбудить никого. Хотя кого? Я один.

— Рут. Кто-то ходил за дверью. Остановился. Не постучал. Ушёл. — Пауза. — Это может быть портье. Это может быть кто угодно. Это может быть никто. Я не знаю.

Ещё пауза. Плёнка шуршит.

— Завтра я пойду в «Блэквуд». Скажу, что проверка. Или что ищу работу. Или что просто проездом. Лэнг. Главврач. Эвелин его не любила. Я помню это. Почему я помню именно это?

Выключаю. Диктофон тёплый в руке.

За окном — клиника. Окна светятся. Кто-то там не спит. Как и я.

Я засыпаю с сигаретой в руке. Она гаснет сама. Пепел падает на одеяло. Утром я найду прожжённую дырку и не вспомню, откуда она.

Последнее на сегодня. На кассету не буду. Сил нет.

Я не знаю, зачем я здесь. Я знаю, что должен найти комнату двести двенадцать. Я знаю, что Эвелин что-то там видела. Я знаю, что она умерла.

Я не знаю, кто её убил.

Или знаю. И не помню.

Изморозь на окне растёт. Я рисую ещё одну линию. Она пересекает первую. Крест. Или окно. Или решётка.

Я закрываю глаза. В темноте пахнет дезинфекцией.